

Кулиш Пантелеймон Александрович

**Отпадение Малороссии от
Польши 1340-1654 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П16

П16 **Пантелеймон Александрович К.**
Отпадение Малороссии от Польши 1340-1654 гг / Кулиш Пантелеймон Александрович –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 399 с.

ISBN 978-5-519-91740-7

ISBN 978-5-519-91740-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Между тѣмъ колонизація малорусскихъ пустынь, по усмиреніи козаковъ и Татаръ, пошла такъ успѣшно, что у Конецпольскаго явилась мысль — вымѣстить Кипчакскую Орду совсѣмъ изъ „Таврики“ и заселить Крымъ христіянами. Эту мысль Конецпольскій давно уже оборачивалъ въ умѣ своемъ и совѣщался о способахъ къ ея осуществленію съ преданными ему людьми. Въ 1645 году изложилъ онъ свой проектъ на бумагѣ, но не рѣшался покамѣстъ публиковать, въ виду всеобщаго стремленія землевладѣльцевъ къ мирнымъ занятіямъ, которымъ больше всего мѣшали миновавшіе съ 1638 годомъ козацкіе бунты.

Проектъ Станислава Конецпольскаго замѣчательнѣе всего тѣмъ, что въ немъ польскорусской республикѣ указывалась необходимость искренно-тѣснаго союза съ Московскимъ Царствомъ. Колонизаторъ малорусскихъ пустынь признавалъ въ московскомъ правительствѣ такія способности къ заселенію повопріобрѣтенныхъ земель, что онъ былъ готовъ предоставить въ его распоряженіе Крымъ по изгнаніи изъ него Татаръ. Онъ признавалъ за „Москалями“ также и умѣнье удержатъ навсегда въ своемъ обладаніи „Таврику“, къ чему, очевидно, считалъ не способными своихъ единоплеменниковъ, Поляковъ. Дѣло это представлялось ему опаснымъ съ одной только стороны, именно съ той, что Москва, занявъ Крымъ, и живя въ такомъ близкомъ со-сѣдствѣ съ козаками, можетъ, пожалуй, отторгнуть отъ Польши и козаковъ, и „всю Русь“; но всё-таки приходилъ онъ къ заключенію, что для Польши лучше было бы имѣть въ „Таврикѣ“ сосѣдями подозрительныхъ пріятелей, „Москалей“, нежели явныхъ непріятелей „язычниковъ“.

Планъ этотъ, столь же человѣчный, какъ и дальновидный, занималъ знаменитаго охранителя Польши такъ серьезно, что осенью 1645 года послалъ онъ въ Крымъ искуснаго геометра и рисовальщика Себастіана Адерса, родомъ изъ Мазовіи, подъ видомъ купца, для снятія на планъ и изображенія тамошнихъ городовъ и крѣпостей. Но черезъ годъ съ небольшимъ Конецпольскаго не стало, и его внезапная смерть открыла свободный ходъ роковымъ событіямъ, которыя, повидимому, одинъ онъ могъ бы остановить.

Эти событія возымѣли свое начало въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя сопровождали Московское разореніе. Изъ Московскаго разоренія вытекало разореніе Польское.

Однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ смуты, послѣдовавшихъ за прекращеніемъ династіи Рюриковичей, явился малолѣтній польскій королевичъ, Владиславъ. Его царствованіе въ Москвѣ про-

вогласить величайшій полководецъ своего времени, Станиславъ Жовковскій: значить, не было оно мечтой личностей мелкихъ. Все десятилѣтнее царствованіе талантливаго короля Стефана было исполненно кипучей дѣятельности пропагандою подчиненія Москвы Польшѣ и введенія обоихъ государствъ въ широкій планъ христіанской войны съ невѣрными. Эта пропаганда не осталась безъ послѣдствій и по его смерти. Однимъ изъ нихъ было унаслѣдованіе мысли Стефана Владиславомъ. Случая дома подъ опекой клерикаловъ наставниковъ, живой и мечтательный королевичъ неожиданно увидѣлъ себя самодержцемъ народа, готоваго, повидимому, посвятить себя тому дѣлу, которое тогда и въ героическихъ понятіяхъ рыцарства, и въ набожныхъ внушеніяхъ духовенства было величайшею славою государей и государствъ, — освобожденію христіанскаго свѣта отъ мусульманъ. Король Сигизмундъ, отгѣсняя сына отъ московскаго престола, только усиливалъ въ его воображеніи сіяніе полновластной царственности. Въ то же самое время, въ умѣ отрока напечатлѣвалось и обладаніе шведскою короною, которой домогался по-своему мечтательный отецъ. Походы въ Московію, продолжавшіеся, съ промежутками, отъ 1604 до 1618 года, еще больше развили отроческія и потомъ юношескія грезы Владислава. Не мало способствовало возрастанію истинно польскаго высокомѣрія и его путешествіе по Европѣ, гдѣ всюду принимали его, какъ будущаго носителя трехъ коронъ, польской, шведской, московской и, по духу панегирическаго вѣка, на каждомъ шагѣ высказывали, что провидать въ немъ совершителя подвиговъ могущественной царственности. Наконецъ, его воцареніе въ Польшѣ, привѣтствуемое единодушными восторгами всего народа и блистательная побѣда надъ воеводою Шеинымъ у Смоленска, по его самолюбію, какъ будто рукою самой судьбы, вели его къ престоламъ и завоеваніямъ, точно другаго Александра Македонскаго.

Въ виду крестоваго похода на Турокъ и преподаннаго ему отцовскими клерикалами освобожденія Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ, король Владиславъ, наперскоръ самому папѣ, сдѣлался сторонникомъ польскихъ протестантовъ и покровителемъ нашихъ противниковъ церковной уніи. Но, готовясь къ своимъ великимъ подвигамъ, онъ, и при жизни отца, и по своемъ вступленіи на престолъ, содѣйствовалъ развитію въ Польшѣ той разрушительной силы, которая, по его смерти, подавила строительную.

Козаки, стучавшіе въ московскія ворота булавою Сагайдачнаго, приводившіе Турокъ въ отчаянье подъ Хотиномъ и на Черномъ морѣ, ратовавшіе за сочиненное ими „ломанье вѣры“ на Трубержѣ и на

Альтѣ, ложившіеся одни на другихъ въ Медвѣжьихъ Лозахъ и подъ Кумейками, истреблявшіе цвѣтъ польскаго рыцарства на Сулѣ и оказавшіеся неодолимыми въ своихъ окопахъ на Старцѣ,—были, можно сказать, его созданиємъ, его тайной отрадою въ борьбѣ съ панскимъ полновластіемъ, его великою надеждою въ будущемъ. Ростъ ихъ увеличивался съ каждой потерей изъ козацкаго дѣла. Они, въ неудачахъ своихъ, проходили курсъ науки крушенія, основанія которой преподалъ имъ обиженный панами шляхтичъ Косинскій, и, падая подъ ударами культурниковъ, подвергались только новому и новому искусу въ своемъ руинномъ ремеслѣ. Козацкая энергія въ подвигахъ опустошенія соотвѣтствовала энергіи старшихъ козацкихъ братій, колонизовавшихъ малорусскія пустыни съ быстротой изумительною. Смерть величайшаго изъ польскорусскихъ колонизаторовъ и могущественнѣйшаго изъ обуздателей козачины, Станислава Конецпольскаго, обозначила въ судьбахъ Польши поворотъ, послѣ котораго началось торжество разрушительной силы надъ строительною,—началась побѣда номадовъ надъ культурниками...

Но возвратимся нѣсколько назадъ.

1645. и 1646 годы были моментомъ послѣдняго благоденствія, возможнаго для Польши. Европу оглушала не прерывавшійся третье десятилѣтіе уже боевой гулъ; Европу потрясали кровавыя войны, а въ Польшѣ царствовала тишина, тѣмъ драгоцѣннѣйшая для шляхты, что кругомъ ревѣла буря,—для шляхты, но не для ея короля. Она его томила. Великіе замыслы Владислава IV ограничивались, пока мѣстъ, заключеніемъ славнаго мира съ Москвой, Турціей и Швеціей, а было ему уже 50 лѣтъ отъ роду, и онъ всё еще стоялъ при началѣ своего дѣла, такъ точно, какъ и въ легкомысленномъ отрочествѣ. Вотъ что его томило въ побѣдительной Польшѣ среди счастливой тишины!

Владиславъ не принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ характерамъ, которые упорною работою преодолеваютъ встрѣчаемыя затрудненія и постепенно достигаютъ предположенной цѣли. Не обладаетъ онъ способностью созидать средства для войны и выбирать людей, которые бы умѣли и желали содѣйствовать ему въ великомъ предпріятіи; проживалъ такъ или иначе все, что было у него въ рукахъ, и попадалъ въ зависимость отъ сеймующей шляхты, въ то время, когда надобно было ея повелѣвать; выпрашивалъ у нея денегъ, угрожалъ вліятельнымъ сановникамъ, дѣлалъ уступки, и этимъ уничтожалъ царственное достоинство свое. Всякій разъ, когда приступалъ онъ къ дѣлу (пишутъ о немъ Поляки), не доставало у него средствъ для

исполненія; то разомъ начиналъ нѣсколько предпріятій, то впадалъ въ унылое бездѣйствіе. И какъ было ему не унывать, когда вся Европа воевала, а онъ, который сознавалъ себя рожденнымъ для блистательныхъ побѣдъ, сидѣлъ сиднемъ на своемъ прославленномъ престолѣ? Любили и хвалили его въ Польшѣ за спокойное царствованіе; называли даже великимъ, но за что? за то, что онъ умѣлъ преодолѣть жажду славы, и побѣдилъ не только Москву, Турцію, Швецію, но — и самого себя. Такимъ образомъ ставили его выше Александра Македонскаго; но это была горькая иронія. Побѣдитель терзался громкою хвалою молча, и готовъ былъ на самыя отчаянныя планы. Мысль о Турецкой войнѣ сдѣлалась наконецъ его маніею.

Нѣсколько лѣтъ уже, не объявляя сейму, пропускалъ онъ сроки послышки Татарамъ обычныхъ подарковъ, а отъ ихъ мстительныхъ набѣговъ заслонялся бдительнымъ стражемъ границъ, Конецпольскимъ. Когда донскіе козаки, съ помощью днѣпровскихъ выписчиковъ, овладѣли Азовомъ, торжествуя разомъ надъ Портой и надъ Крымцами, — онъ порывался къ нимъ на помощь, соглашалъ къ тому же и московскаго царя. Его уносчивое воображеніе озарилось картиной завоеванной Таврики, картиной заселенія днѣстро-буго-днѣпровскаго Низу, богатства черноморской торговли и обращенія убогихъ неучей козаковъ къ обильной и просвѣщенной мѣщанской жизни въ приморскихъ городахъ. Но расхозяивавшіеся землевладѣльцы не желали воевать съ Татарами, опасаясь войны съ Турціей, требовали удовлетворенія Крымцевъ подарками, а Турокъ — надлежащимъ посольствомъ. Въ 1643 году султанъ подтвердилъ миръ съ Польшею, и запретилъ Татарамъ вторгаться въ ея владѣнія. Татары, однакожъ, продолжали вторженія, какъ были наконецъ страшно поражены Конецпольскимъ, съ помощью князя Вишневецкаго, подъ Охматовымъ, въ 1644 году.

Тогда король выступилъ опять съ проектомъ Крымской войны. Время было благопріятное. Въ Крыму происходили замѣшательства. Недовольный ханомъ Мехметъ-Гиреемъ турецкій султанъ, Ибрагимъ, вскорѣ послѣ Охматовскаго пораженія, свергнулъ его съ престола, велѣлъ выпустить изъ заточенія брата его, Исламъ-Гирея, и наименовалъ ханомъ. Въ Ордѣ открылась усобица между сторонниками братьевъ Гиреевъ. Въ это время Турція и Венеція готовились взаимно къ войнѣ, которая обѣщала быть долготѣною и для Турціи гибельною, такъ какъ султанъ Ибрагимъ былъ „не въ полномъ умѣ“, а государство его терзали междоусобныя войны. Король возымѣлъ надежду подавить Крымцевъ безпрепятственно со стороны Турціи.

Послѣ побѣды подъ Охматовымъ, созвалъ Владиславъ сенаторскую раду и провелъ въ ней постановленіе, чтобы съ этого времени подарковъ Татарамъ не давать. Постановленіе состоялось въ концѣ февраля 1645 года. Ближайшій сеймъ долженъ былъ подтвердить его, а между тѣмъ король сталъ готовиться къ войнѣ, которая должна была возгорѣться одновременно съ Турко-Венеціанскою: велѣлъ строить арсеналы въ Краковѣ, во Львовѣ, въ Варшавѣ, вызывалъ инженеровъ и ремесленниковъ изъ-за границы, запасался военными снарядами. Ханъ Исламъ-Гирей прислалъ пословъ, домогаясь подарковъ. Король задержалъ ихъ до сейма, а на сеймики выслалъ универсалы, предрасполагавшіе шляхту къ подтвержденію постановленія о подаркахъ Татарамъ, состоявшагося въ сенаторской радѣ.

Главнымъ помощникомъ его былъ канцлеръ Оссолинскій. Въ блестящей и злоторной дѣятельности этого сановника исторія видитъ воплощеніе общественныхъ и государственныхъ недуговъ, которыми нестерпимо уже разболѣлся тогда разслабленный организмъ Королевской Республики. Я представляю только выразительнѣйшія черты злобѣйшей личности.

Родъ Оссолинскихъ принадлежалъ въ древнѣйшимъ, но не нововладнымъ домамъ старой Польши. Отецъ канцлера первый возвысился до сана воеводы, слѣдовательно и сенатора. Онъ отличался такимъ умомъ, гражданскимъ мужествомъ и даромъ слова, что пользовался равнымъ уваженіемъ со стороны противоположныхъ и враждебныхъ между собою партій: явленіе рѣдкое въ жизни политическихъ обществъ. О матери канцлера почтенный біографъ его, докторъ Кубаля, говоритъ, что это была одна изъ тѣхъ великихъ матронъ, которыхъ возвышенная жизнь протекала въ тишинѣ и спокойствіи. Надъ ея гробомъ, по его мнѣнію, можно было бы повторить слова, сказанныя Замойскимъ о ея братѣ, Фирлеѣ: „Собраны сливки съ нашего молока“.

Но на вопросъ апостола: „течетъ ли мутная вода изъ чистаго источника?“ приходится отвѣчать здѣсь утвердительно. Чистѣйшіе источники старопольской жизни были повсемѣстно возмущаемы іезуитами у самаго жерла ихъ. До того умѣли эти ревностные служители папы поддѣлаться подъ самые благородные характеры простосердечныхъ Полонусовъ, что пагубное воспитаніе, даваемое ими панскимъ дѣтямъ, прославлялось, какъ наилучшее. Такъ было и съ домомъ Оссолинскихъ.

Юрій Оссолинскій, будущій канцлеръ, лишился добродѣтельной матери на пятомъ году жизни, а добродѣтельный отецъ, на девятомъ

году, отдалъ его въ іезуитскую гимназію въ Пултускѣ, считавшуюся наилучшею въ Польшѣ. Здѣсь оставался онъ три года, которые совпали съ тѣмъ временемъ, когда польскіе іезуиты, съ королемъ Сигизмундомъ III во главѣ, обработали дѣло перваго Лжедмитрія. Насажденное ими въ польскихъ сердцахъ лукавство приносило уже свои плоды, и заражало атмосферу общественной жизни на широкомъ пространствѣ. Подъ вліяніемъ общаго извращенія чувства правды, честный Полонусъ довѣрчиво погрузилъ сына въ самое жерло религіозной и политической фальши.

Передъ воцареніемъ Сигизмунда Вазы, онъ оказалъ императорскому австрійскому дому памятное для этого дома усердіе, и теперь послалъ сына въ іезуитскую академію въ Грацѣ, состоявшую подъ главнымъ заведываніемъ эрцгерцога Фердинанда, будущаго императора, который любилъ и читилъ орденъ іезуитовъ „какъ мать“, сохранялъ его „какъ зѣницу ока“ и объявлялъ во всеуслышаніе, что „лучше желалъ бы, чтобъ его собственный домъ исчезъ, нежели іезуиты“.

Біографъ Оссолінскаго говоритъ, что „никогда бы въ Польшѣ не могъ усвоить онъ такихъ католическихъ воззрѣній“, какія усвоилъ на всю жизнь въ тѣсномъ общеніи съ семействомъ Фердинанда и съ іезуитами. Четыре года провелъ онъ въ грацкой аптекѣ ядовъ, отравлявшихъ умы и сердца католическаго міра, а эти годы соответствовали тому крушенію нравственности въ московскомъ и польско-русскомъ народѣ, посредствомъ котораго іезуиты едва не погубили Московскаго Царства заодно съ будущимъ его приростомъ, воссоединенною Малороссією.

По тогдашней общественной оцѣнкѣ, установленной, какъ въ Австріи, такъ и въ Польшѣ, іезуитами, Юрій Оссолінскій получилъ воспитаніе блестящее. По оцѣнкѣ нашего современника, его біографа, монастырь и монаршій дворъ было все, что онъ видѣлъ; людей такихъ, какими они есть, Оссолінскій не зналъ и не понималъ,—можно сказать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ не развился онъ вовсе... Въ этомъ-то и состояла суть іезуитскаго воспитанія.

Господствовавшая тогда въ Польшѣ мода велѣла образованному юношѣ, передъ вступленіемъ въ государственную службу, совершить путешествіе по Европѣ. Въ этомъ Полякоруссы опередили Московоруссовъ тремя столѣтіями; но іезуиты обратили преимущество ихъ въ ничто.

Молодой Оссолінскій прежде всего посѣтилъ Голландію, которую такъ великодушно силился вырвать изъ католическихъ рукъ Вильгельмъ Оранскій, и которая ввѣрила ему власть на все время

войны за свободу совѣсти. Прошло уже 24 года послѣ того, какъ вооруженный іезуитами фанатикъ своимъ выстрѣломъ положилъ конецъ человѣколюбивымъ подвигамъ Вильгельма, — и представитель „вольнаго Шляхетскаго Народа“, путешествуя по мѣстамъ, которыя Вильгельмъ Оранскій прославилъ въ исторіи борьбы съ деспотизмомъ, не находилъ для себя другаго дѣла, какъ богомольничать въ католическихъ церквахъ. Блѣдный и худой отъ прилежнаго ученія, едва вышедшій изъ отрочества, юноша „былъ похожъ на клерика“. Онъ состоялъ уже членомъ церковнаго братства Маріи Панны и такого же братства Св. Духа, а въ Краковѣ вписался у бернардиновъ членомъ братства Св. Михаила. Сохранились его записки, проливающія безотрадный свѣтъ на людей, которые считались лучшими и даже великими въ Польшѣ. Въ нихъ Оссолинскій рассказываетъ о характеристической продѣлкѣ, которую онъ сочинилъ самостоятельно, на шестнадцатомъ году жизни, по случаю болѣзни сопровождавшаго его, въ качествѣ тѣлохранителя, Далмата Посседари. Вотъ его собственныя слова: „Посседари заболѣлъ такъ, что три недѣли, отъ тяжелыхъ страданій, находился почти въ безпамятствѣ. Опасаясь, чтобы меня, моего слѣдскаго, не ограбили, или не умертвили, я выдалъ себя за его слугу, одѣвшись въ лакейское платье и говоря, что это убогій воинъ ѣдетъ изъ Москвы въ Нидерланды на службу, а меня, какъ знающаго нѣмецкій языкъ, уговорилъ въ Силезіи ѣхать съ собою“.

Въ Лувенѣ, славившемся своею разновѣрческою академіей, Оссолинскій слушалъ весьма прилежно цѣлый годъ философію, право, исторію, политику, блистательно защитилъ диссертацию „De optimo reipublicae statu“, посѣтилъ Фландрію, Англію, оттуда переехалъ во Францію, провелъ опять цѣлый годъ въ Парижѣ, усовершенствовался во французскомъ языкѣ, въ математикѣ и въ краснорѣчій. Кромѣ того бралъ уроки верховой ѣзды, игры на лютнѣ и танцевъ, изучая въ то же время всякія публичныя церемоніи и торжества. Послѣ того отправился на годъ въ Падую, гдѣ учился итальянскому языку, стилистикѣ и декламаціи. Изъ Падуи ѣздилъ въ Римъ, чтобы изучать церковныя дѣла. Здѣсь онъ погрузился въ омутъ клерикальной казуистики, подъ руководствомъ чествуемаго при папскомъ дворѣ доминиканца, Авраама Ъзовскаго, славнаго автора *Церковной Литописки*: какъ отецъ вызвалъ его домой по случаю предпринимаемаго королевичемъ Владиславомъ похода въ Московію, на который онъ смотрѣлъ, какъ на дорогой для молодаго человѣка случай проложить себѣ дорогу къ дигнитарствамъ и пожалованіямъ.

Теперь Юрій Оссолинскій не былъ уже похожъ блѣдною худощавостію на клерика. Теперь онъ чаровалъ всѣмъ глаза прекрасною наружностью и тѣмъ, что называлось тогда *grandezza*, тѣмъ искусствомъ лицедѣйствовать въ роли публичнаго оратора и общественнаго дѣятеля, которое онъ усвоилъ себѣ въ высокой степени, какъ самое важное достоинство молодого аристократа. Только смѣхъ былъ на его выразительныхъ устахъ „слишкомъ рѣдкимъ гостемъ“. Но что насъ поражало бы непріятно въ молодомъ человѣкѣ, то еще больше возвышало его во мнѣніи общества польскорусскихъ магнатовъ, болѣе или менѣе одураченныхъ іезуитскимъ взглядомъ на вещи. Во всѣхъ положеніяхъ жизни онъ былъ всё тѣмъ же клерикомъ, являвшимся въ разнообразныхъ роляхъ,—до того, что, когда ему пришлось соперничать за невѣжу съ богатѣйшимъ изъ польскорусскихъ паповъ, княземъ Янушемъ Острожскимъ, и Янушъ внезапно скончался, онъ устранилъ соперника съ его дороги приписывая Господу Богу, и „благодарилъ святой маестатъ Божій за его великое провидѣніе (*za wielką opatrność Bożą Jego Świętemu Majestatowi dziękował*)“. Это его собственные слова.

„Во всемъ его повѣствованіи“ („говорить о запискахъ Оссолинскаго его біографъ“) „видимъ его постоянно въ (ксензовскомъ) орнатѣ, и дурно ли, хорошо ли онъ поступаетъ, всегда у него Господь Богъ на устахъ“.

Перлъ іезуитскаго воспитанія не могъ оставаться въ Польшѣ безъ соотвѣтственной оправы. Въ виду угрозъ Османа II завоевать Польшу по Балтійское море, чтобъ, окруживъ Европу своимъ флотомъ въ соединеніи съ голландскими и нѣмецкими протестантами, начать борьбу съ австрійскимъ домомъ,—надобно было согласить Англію къ противодействию магометанамъ. Органомъ этого соглашенія былъ избранъ блестящій питомецъ іезуитовъ, и, чтобъ его несравненная *grandezza* дѣлала надсѣжающее впечатлѣніе, дали ему какимъ-то—выражусь по-польски—*rokałny* способомъ громкій титулъ графа Тенчинскаго. Въ своей сіяющей оправѣ, поражающій высокимъ, по мнѣнію современниковъ, просвѣщеніемъ, 26-лѣтній посолъ оправдалъ передъ Іаковомъ I англійскимъ и его парламентомъ составившееся въ Польшѣ мнѣніе о его краспорѣчи. Какъ отецъ графа Тенчинскаго своимъ честнымъ вмѣшательствомъ примирялъ враждебныя партіи даже во время конференцій, такъ наружность, ораторскія позы и декламация сына его производили на польскихъ верховодовъ такое впечатлѣніе, что когда, въ позднѣйшее время, поднимался онъ съ мѣста въ законодательномъ собраніи, самые сварливые люди умолкали ради одного

удовольствія слушать его. „Онъ царствуетъ словомъ (*ille regit dictis*)“, говорили о немъ приверженцы. „Обезоруживаетъ умы и сердца (*animos et rectora mulcet*)“, прибавляли враги его... Такъ было и въ Англіи. При всемъ разномысліи своемъ, и торіи и виги заслушались цicerоновской латыни посла красавца. Рѣчь, произнесенную Оссолинскимъ передъ королевскимъ трономъ, восхищенный Іаковъ повелѣлъ напечатать на латинскомъ, англійскомъ, французскомъ, испанскомъ и швецкомъ языкахъ.

Такъ и должно было быть. Оссолинскій владѣлъ въ совершенствѣ искусствомъ лести, и постигалъ истинно іезуитски слабыя стороны тѣхъ, къ кому обращалъ свое усладительное и въѣстъ грандіозное слово, въ декламации же превзошелъ онъ всѣхъ своихъ учителей. Но грустное впечатлѣніе дѣлаетъ нынѣ та часть рѣчи польскаго посла, въ которой онъ изобразилъ, какая предстоить опасность всей Европѣ, и наипаче Англіи, въ случаѣ паденія Польши. Эти слова, внушенные блестящему оратору его національнымъ высокоуміемъ, выслушивались въ то время, какъ нѣчто разумное, людьми, державшими въ своихъ рукахъ богатства и судьбы вселенной. Такое же впечатлѣніе производитъ и торжественный, пышный, преполненный почтенія къ Польшѣ пріемъ посла ея съ самаго появленія его на англійской территоріи. То была горькая пронія такъ называемаго рока, возвышающаго и низвергающаго гражданскія общества въ видахъ потребностей человечества.

Торжество политическаго вѣтѣи польскаго въ Англіи было полное. Но Іаковъ I относительно недалекой уже англійской революціи былъ то, что Сигизмундъ III относительно приближающейся Польской Руины. Будущіе кромвеллисты, пуритане, озабочивали его не меньше, какъ и будущіе хмельнисты, козаки, тревожили современнаго ему короля польскаго. Посольство Оссолинскаго и его продолжительное пребываніе въ Англіи не имѣли никакихъ результатовъ.

Къ чести польскорусскихъ правительственныхъ людей, сенаторовъ и земскихъ пословъ, созданный іезуитами государственный человѣкъ не имѣлъ большого между ними хода до конца жизни Сигизмунда Вазы. Изъ панской добычи, которою львы польской олигархіи дѣлились яростно между собою, Оссолинскій добился только трехъ староствъ. Этого было бы достаточно для многихъ другихъ пановъ, но слишкомъ мало для человѣка съ его завоевательными средствами. Только передъ смертью стараго короля благопріятели сдѣлали его надворнымъ подскарбіемъ, что, при его выработкой въ іезуитскихъ

школахъ дѣятельности и ловкости, дало ему возможность держать въ рукахъ и Коронный Скарбъ.

Къ чести ума и сердца Владиславова надобно также сказать, что, будучи королевичемъ, Владиславъ держалъ Оссолинскаго въ почти-тельномъ отдаленіи. Но Оссолинскій, возвышаясь медленно, заставилъ новаго короля, оцѣнить свои способности выше, нежели цѣнило ихъ олигархическое правительство. Въ качествѣ надворнаго подскарбія, то есть министра двора, принималъ онъ важное участіе въ избраніи на престолъ сына почившаго короля, и сдѣлался его ораторомъ, его приватнымъ министромъ. Новый король осыпалъ его вдругъ такими дарами, что одну только пожалованную ему саблю цѣнили въ 10.000 злотыхъ. Но Владиславъ IV сверхъ того подарилъ ему собственный дворецъ въ Варшавѣ, шестерню дорогихъ лошадей, 60.000 наличными деньгами, богатые обои, которыми были украшены хоры краковскаго собора, и бидгоское староство, одно изъ богатѣйшихъ въ Польшѣ. Сколько эта чрезмѣрная щедрость озлила нѣкоторыхъ олигарховъ, столько привлекла она къ восходящему свѣтилу можновладства другихъ, заинтересованныхъ по-своему въ королевскихъ пожалованіяхъ. Результатомъ умноженія благопріятелей новаго вельможи было то, что коронаціонный сеймъ согласился на замѣну его дѣдичныхъ добръ королевскими добрами, называвшимися Смердиною и находившимися въ его „державѣ“. Подобная мѣна всегда составляла выгоду частнаго лица, и была для Оссолинскаго своего рода наградою, которая опять привлекла къ нему многихъ, видѣвшихъ въ этомъ собственный интересъ.

Оссолинскій началъ играть въ одно и то же время двѣ роли, повидному несомвѣстныя: католическая партія видѣла въ немъ своего представителя, такъ точно какъ и протестантская, или что въ сущности было одно и то же, разновѣрческая. Питая противоположныя надежды однихъ и другихъ, подвизался онъ для себя лично, вовсе не для короля, и въ то время, когда казалось, что католичество для него всего дороже, или, что для разновѣрцевъ онъ рискуетъ своею репутаціей въ католическомъ свѣтѣ,—на днѣ его души таилась польская *privata*, поддерживаемая *бранишками Іезуса* въ польскихъ можновладникахъ весьма старательно.

Новый глава олигархической республики, король Владиславъ, избралъ политику, противоположную политикѣ миновавшаго царствованія. По его мнѣнію, другъ и наставникъ отца его, императоръ Фердинандъ II, въ своей ревности къ церкви, обнаруживалъ нелюбовь къ своему народу. Владиславъ заявлялъ не только религіозную *терпимость*, но и религіозное *согласіе*. Предполагалось привлечь къ дѣя-